

---

## ЛЮБОВЬ К ПРИМИРЕНИЯМ

---

Недавно немецкий Бундестаг принял решение о выделении 15 млн марок на возведение в Берлине монумента жертвам Холокоста. Прошло уже более пятидесяти лет со времени этого самого ужасного события еврейской истории, а забыть о нем ни евреи, ни немцы не могут. Не могут примириться эти два народа, несмотря на прошедшие полвека. Внешне все выглядит довольно благопристойно: евреи потихоньку поселяются в Германии, власти страны старательно пресекают все антисемитские вылазки экстремистов, но нормально общаться евреи и немцы все равно не могут. Не могут евреи и немцы долго или пристально смотреть в глаза друг другу. И те и другие тщательно маскируют свои глубинные чувства: у одних в глубине души боль и ненависть, у других чувства вины и стыда за то, что произошло в сороковые годы с европейским еврейством. Итак, после десятилетних дебатов решение о строительстве монумента наконец-то принято. Уже в самом ближайшем будущем боль и ненависть евреев вмес-

---

<sup>2</sup>Гражданин Германии.

те с виной и стыдом немцев будут воплощены в камне и бронзе.

Зачем это делается? Зачем вообще нужен этот монумент? Затем и нужен, что должен помочь примирению двух народов. Ненависть и стыд после материализации в монументе должны покинуть занимаемое ими сейчас место в сердцах людей для того, чтобы освободившееся место могли занять эмоции и чувства другой, более теплой, окраски. Слов нет. Строить монумент надо. Только как его воспринимать? Как точку на пути примирения евреев и немцев? Может быть, с появлением монумента можно объявить о состоявшемся примирении? Ясно, что многие в Германии надеются именно на это. Очень наивно. Монумент безусловно нужен, но никакой монумент не может решить проблемы примирения двух народов. Высота стены, разделяющей евреев и немцев, огромна: высота этой стены — шесть миллионов еврейских жизней, и поэтому монумент можно рассматривать всего лишь как один из шагов на пути разрушения этой стены. Нельзя купить за три копейки то, что стоит миллионы. Нельзя купить за 15 миллионов марок прощение евреев.

Его вообще нельзя купить строительством монументов. Хотя в принципе купить можно. Все в нашем мире покупается и продается, и прощение евреев не исключение. Надо только правильно определить цену. Давайте рассмотрим простейший абстрактный пример, на котором легко рассуждать. Предположим, что один человек причинил вред другому. Естественно, что тот, кому вред причинен, испытывает чувство боли. Если вред причинен не только моральный, то в дополнение к боли потерявший испытывает еще чувство утра-

ты чего-то. Тот, кто вред причинил, если он нормальный человек, испытывает чувство вины и желание эту вину загладить. Процесс примирения в принципе идет просто. Тот, кто причинил вред, извиняется и компенсирует пострадавшему то, что тот утратил. Пострадавший принимает извинения, а также то, что он потерял. Как только извинения и компенсация утраченного приняты, дело сделано — боль у пострадавшего утихает, а причинитель вреда не испытывает более чувства вины за причиненный ущерб. Все. Процесс примирения состоялся, и можно ставить точку.

Сначала несколько слов о том, можно ли перенести эту схему рассуждений на такую проблему, как примирение евреев и немцев? Ясно, что эта схема работает, если речь идет об автомобильной аварии. А как быть, если один народ потерял шесть миллионов жизней в результате того, что другой народ проголосовал за Гитлера? С извинениями все просто, но каким образом народ, проголосовавший в 1933 году за национал-социализм, может компенсировать другому народу казнь его трети?

И в чем вообще состоит вина тех, кто родился после войны? В чем их вина и почему они должны кому-то что-то возмещать? Все верно. Вины за ними абсолютно никакой нет, а вот чувство вины и стыда у них есть, и возмещать они должны, если, конечно, не хотят жить в позоре. Так уж устроил нашу жизнь Всевышний. Можно долго дискутировать на тему о том, что это несправедливо, можно возмущаться и проклинать такое устройство мира и человеческой совести, но это совершенно бесполезное занятие. Позор и стыд передаются по

наследству точно так же, как слава, честь, богатство или бедность.

Нынешнее, ни в чем не виноватое поколение немцев унаследовало позор своих отцов и дедов и должно выбирать: или жить в позоре, или отмыться. Если выбор за «отмыться», то это означает возмещать ущерб. Оставим пока в покое немалое по своим размерам экспроприированное имущество евреев, задумаемся лишь о самом главном — о человеческих жизнях.

Убитых из пепла крематориев не возродить. Поэтому путь возмещения ущерба имеется только один — создать, а главное, профинансировать такую программу приема евреев в Германии, которая бы стимулировала рождение еврейскими мамами еврейских детей. Как именно простимулировать? Ну, хотя бы так: выплачивать вместе с рождением ребенка каждой маме-еврейке, скажем, 10 тыс. марок. Конечно, ставить целью рождение на свет шести миллионов евреев совершенно нереально, слишком слаба для этого экономика Германии, но хоть в какой-то мере решить задачу заполнения пустующих синагог в немецких городах такая программа безусловно бы могла. По крайней мере, такая программа могла бы хоть в какой-то мере утолить сидящее в глубине еврейской души чувство ненависти к немцам, а у немцев — чувство вины за то, что произошло с евреями во Второй мировой войне. Иными словами, если политические лидеры страны разработают программу, главной целью которой будет именно увеличение еврейского населения Германии за счет рождения еврейских детей, то тем самым будут определены и единица измерения вины, и путь компенсации еврейскому народу ущерба, на-

несенного Холокостом. Только при такой постановке цели может быть определена цена прощения евреев. Только такая программа, в которой ясно и четко обозначена цель — рождение еврейскими мамами еврейских детей, может дать немцам надежду на то, что их внуки и правнуки не будут испытывать стыда за своих дедов и прадедов, проголосовавших за национал-социалистов, совершенно недвусмысленно объявивших во всеуслышание в тридцатые годы о своем намерении «окончательно решить еврейский вопрос».

«У нас уже есть такая программа, программа приема контингентных беженцев, зачем нам еще одна?» — может возразить без вины виноватый, обыкновенный немецкий налогоплательщик. Есть-то она есть, но способна ли она решить проблему примирения евреев и немцев? Начнем со статуса.

Вот она, первая передержка. Любому школьнику ясно, что немцы стремятся поселить евреев в Германию, потому что пустые синагоги морально давят на них, потому что не могут объяснить своим внукам и правнукам, куда и, главное, каким именно образом исчезли прихожане еврейских общин. И вот, вместо того, чтобы открыто и прямо сказать: «Евреи, мы, немцы, осознали, что мы натворили. Мы приглашаем вас поселиться в Германии и гарантируем вам безопасность и доброе отношение», вместо того чтобы протянуть руку для примирения, евреев начинают спасать от российских и русских антисемитов. Все это, конечно, было бы очень благородно, если бы еще и соответствовало истинному положению дел.

Сегодня антисемитизма в России как государственной политики нет. Антисемиты — да, есть. А где их нет? Может быть, их нет в Германии? Или

их нет в Америке? Многие из иммигрировавших в Америку жалуются, что в американских школах их дети чаще слышат от негритянских детей «еврей», чем слышали это от русских детей в России. Давайте будем откровенны: к евреям ненависти у русских и десять лет назад, и сейчас было не больше, чем, скажем, к кавказцам. Думаю, что вряд ли кто станет спорить с тем, что кавказцы, которые даже не рискуют выйти на улицы города без паспорта в кармане, имеют больше оснований претендовать на малопочетное звание «беженец», чем евреи, однако у них нет права переехать в страну немцев и поселиться там. Почему? Ясно почему. Потому что никакой они не «контингент». Бедные евреи! Теперь они не просто евреи, но еще и флюхтлинги<sup>1</sup>, и не просто флюхтлинги, но еще и «контингент».

Боже, слово-то какое отвратительное — «контингент»! Так и кажется, что в своих отчетах о проделанной «работе» палачи Освенцима называли тех, кто прошел через газовые камеры или печи крематория, «контингентом», или «спецконтингентом», или как-то созвучно этим словам. Невозможно представить себе, чтобы в этих отчетах убитые евреи именовались словами, которыми называют или характеризуют людей. Интересно, те, кто принимали решение о названии «Kontingent Flüchtling» для еврейских переселенцев, задумывались ли они об ассоциациях, которые вызывает слово «Kontingent» в сознании евреев? Или, может быть, это сделано сознательно, в угоду антисемитам? Эдакий лингво-политический ход. А вот еще один любопытный момент. Для то-

---

<sup>1</sup> Kontingent Flüchtling — контингентный беженец.

го, чтобы еврейю получить справку, что он «контингент флюхтлинг», вовсе не обязательно прилетать в Германию на самолете или приезжать по железной дороге. Достаточно родиться в Германии. Любой младенец, чьи родители имеют статус «Kontingent Flüchtling», получает точно такую же справку. Наверное, придумавшим такой порядок все это кажется очень забавным, поскольку у родителей, получивших документ о том, что их ребенок — беженец, сразу же в воображении возникает представление того места в женском организме, откуда может «бежать» младенец в родильном доме. Со временем, когда ребенок подрастет, он тоже задумается об этом и ему тоже, наверное, будет очень смешно. Вам вот, например, все это кажется смешным? Мне тоже.

В общем, уже в самом названии статуса еврейских переселенцев разработчики процедуры переселения отразили свое представление о пути, следуя которым Германия сможет избавить своих сограждан от чувства вины и не заплатить при этом той цены, которой решение этой проблемы стоит.

Сравните: одно дело программа, имеющая целью хотя бы частичное восстановление численности евреев, и совсем другое — помощь преследуемым в СНГ евреям. В первом случае, если вспомнить описанную выше модель примирения, причинивший ущерб признает себя виноватым и соглашается на возмещение вреда. Представим себе теперь, что тот, кто страшно повредил чужую машину, предлагает пострадавшему не замену разбитых частей, а лишь кое-где подкрасить облупившуюся в результате аварии краску, и к тому же не потому, что чувствует себя виноватым, а всего

лишь из чувства сострадания к потерпевшему. Как вы думаете, примирение в таком случае возможно? Ясно, что это будет за примирение. Однако виноватый на это идет. Почему? Ну, хотя бы потому, что пострадавший согласен и на подкраску, поскольку ничего большего ему не предлагают. Конечно, если бы Израиль был так же силен, как, скажем, Америка, то к требованиям евреев компенсировать ущерб Германия относилась бы безусловно иначе. А при таком раскладе сил можно позволить себе предложить евреям и эрзацпрограмму под названием «Прием контингентных беженцев».

Анализ уже самых общих положений закона о контингентных беженцах и других законов, регламентирующих поселение евреев в Германии, приводит к множеству «почему?». Почему, например, выход из немецкого гражданства происходил в газовых камерах за считанные минуты, а получения его в соответствии с законом о контингентных беженцах надо ждать семь лет? Почему для выхода из немецкого гражданства было достаточно быть евреем, а для получения гражданства этого недостаточно, а надо еще изживать в себе тоталитарную социалистическую идеологию, иметь соответствующее закону отношение к немецкой культуре и доказывать свою приверженность принципам демократии. Почему для выхода из гражданства через трубы крематориев в лагерях смерти никаких ходатайств не требовалось, а для его получения надо писать ходатайства?

Почему еврейскому ребенку в соответствии с законом о контингентных беженцах государство выделяет на одежду тридцать марок в месяц? Разве можно одеть ребенка на эти деньги? Расчет, приводимый, например, в пособии Клаудии



Вирт «Социальная помощь», показывает, что сумма, которая выплачивается родителям, почти в пять раз ниже той суммы, которая реально нужна для покупки одежды малышу. Почему еврейский ребенок имеет право лишь на поношенную, а не на новую одежду? Почему еврейский ребенок, оказавшийся в Германии по закону о контингентных беженцах, не имеет права на новые игрушки или книжки? Почему его родители должны просить поношенные вещи и застиранные игрушки в церковных богадельнях или у своих немецких соседей? Не потому ли это сделано, что составители закона поставили целью не увеличение числа еврейских детей, а удовольствие тех, к кому вынуждены будут прийти родители еврейского ребенка с просьбами о помощи.

Задумайтесь на минутку, какие вообще чувства испытывает немецкий налогоплательщик по поводу той части налога, которая идет на финансирование программы приема евреев в Германии? Что чувствует подающий милостыню немец к протянувшему за подаянием руку еврею? Во-первых, он чувствует свое превосходство, а кроме того, он чувствует себя благородным, щедрым и великодушным. Нечего сказать, хорошенький набор чувств организовали своим согражданам разработчики программы приема еврейских переселенцев. Именно эти чувства и должен испытывать представитель народа, проголосовавшего за нацизм, по отношению к представителям народа, потерпевшего Катастрофу при нацистах. Именно эти эмоции и очистят немецкую душу от чувства стыда и вины перед евреями, именно эти чувства и приведут к примирению евреев и немцев...

А что должен чувствовать протянувший за подающей руку еврей? Он должен испытывать чувство благодарности, чувство умиления щедростью дающего. Тот, кто испытывает не эти регламентированные законом о беженцах чувства, а какие-то другие (бывает даже так, что некоторым периодически мерещится антисемитизм и они ощущают чувства возмущения или страха), сразу же получает от социального ведомства предупреждение о том, что он нарушил сроки представления какого-либо документа и что закон допускает в таком случае сокращение социальной помощи сначала на двадцать пять, потом на пятьдесят, а затем и на все сто процентов. Подумает-подумает еврей, включит воображение, вообразит себе пустой холодильник и начнет тут же чувствовать то, что должен испытывать в соответствии со своим статусом контингентного беженца, а именно — умиление и благодарность. Правда, такое происходит не со всеми, некоторые впервые в жизни начинают понимать, что такое депрессия и от чего она бывает, а многие начинают вздрагивать при любом слове, которое в том или ином варианте содержит буквосочетание «прости». Но это уже явная патология, и эти извращения чувств лечат не социальные работники, а врачи. Здесь уже предупреждения о нарушении каких-либо законов не помогают, и надо применять сильнодействующие лекарственные средства.

Почему примирение евреев и немцев организовано по такой позорной, и в первую очередь для его разработчиков, схеме? Что привело к тому, что программа приема евреев в Германию имеет тот вид, какой она имеет? Экономия? Экономные немцы экономят на всем, в том числе и на

примирении с евреями, извращая при этом смысл самого дела, на котором собираются экономить, чуть ли не до абсурда. Стыд? Чувство вины за Катастрофу европейского еврейства извращает их представление о порядочном поведении по отношению к пострадавшим? А может быть, просто была поставлена цель переселить наиболее бедную часть еврейского населения СНГ в Германию и использовать ее затем как проститутку, обслуживающую комплексующих по поводу Холокоста немцев?

А в общем, даже не важно, что именно привело к появлению ныне действующей программы для еврейских переселенцев. Важно, чтобы немцы осознали, что она плоха, и позаботились о ее замене на программу с четко названными целью — примирение евреев и немцев и путем примирения — финансовой поддержкой рождения еврейских детей. Евреи простят немцев только тогда, когда увидят, что те действительно хотят возместить причиненный евреям ущерб, а не провести под видом программы примирения какую-то экономически или морально выгодную, хитроумную комбинацию вроде нынешней программы приема контингентных беженцев.

*Так выпьем же за примирение между евреями и немцами! Лэхайм und Prost!*